

МОСКОВСКИЙ ПОСАД ПРИ ПЕТРЕ I

Е. Заозерская

Посад феодального города — нерв его торгово-промышленной жизни, показатель его экономического значения. Москва и её посад с XV в. играли особую роль. Здесь раньше и резче всего выявились процессы, характерные для города периода развитого феодализма, времени существования крупного централизованного государства. В области производства это — не только всё большее распространение и усовершенствование ремесла, но и его постепенное укрепление, а также появление в разных отраслях производства рядом с ремесленной мастерской первых мануфактур. В области торговли это — постепенное втягивание всё большего количества товаров, идущих с разных сторон благодаря экономическим связям, возникшим между центром страны и местными рынками. Одновременно происходило также втягивание в рыночный оборот мелких производителей — ремесленников и купцов-посредников.

В Москве полнее всего оформилась и организация многочисленного посадского населения как в смысле деления его на торговую и ремесленную части, так и в отношении внутреннего подразделения каждой из них: торговой — по статьям, или группам гостей, гостиной сотни и рядовых торговых людей; ремесленников — по слободам и сотням, имевшим первоначально определённое территориальное местонахождение и производственную характеристику (Бронная, Кузнецкая, Хамовническая, Кожевённая, Гончарная и т. д.).

Здесь же, в Москве, полнее всего выявились формы эксплуатации посадского населения феодальным государством и государем-феодалом: натуральные повинности и денежные платежи. Протест, вызванный этой эксплуатацией среди посадского населения, выражался пассивно, в форме ухода с посада, и более активно, в виде выступлений посадского населения Москвы в XVI—XVII веках. На протяжении первой четверти XVIII в. некоторые явления, характерные для раннего феодального города, стираются и отмирают, другие, более новые, предвестники будущего капиталистического города, выявляются с большей определённойностью.

Всякий раз, когда правительство Петра или его отдельные учреждения хотели определить права или обязанности посадского населения Москвы, они неизменно имели в виду одни и те же группы населения столицы. Они перечислены в начале указа 1699 г. об учреждении Бурмистерской палаты: «Великий государь указал гостям и гостиные сотни и Кадашевы и Казённые и Бронные и Дворцовых и Конюшенных и иных всех чёрных сотен и слобод всем посадским и купецким и промышленным людям сказать свой великого государя указ»¹. В делопроизводственных материалах по выборам бурмистров представлены те же три основные разряда: сначала приводятся сведения о гостях и выборах от них бурмистров, затем о гостиной сотне и, наконец, о слободах, дворцовых, казенных, конюшенных и чёрных, которые первоначально должны были выбрать от каждой по одному человеку (кроме десяти малодворных, из них пять оказались дворцовыми и пять чёрными)².

¹ Полное собрание законов (ПСЗ). Т. III, № 1674.

² Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА), Белгородский стол, сгб. 1732, л. 75—77, 89—91, 209—211.

В другом официальном документе — книге Денежного стола 1713 г. (составленной по случаю сбора полтинных денег и наиболее полно перечисляющей посадское население, обложенное десятой деньгой, с размера которой собирались полтинные деньги) — сначала идёт поимённый перечень гостей, затем гостиной сотни и после неё список московских слобод³. Те же элементы мы находим в материалах первой ревизии 1725 года⁴. В конце переписи даётся общий итог количества душ московского «купечества»⁵, который получился путём подсчёта поимённо перечисленных в переписи гостей, членов гостиной сотни и слобожан.

Сделанные наблюдения позволяют именно в этом составе рассматривать московский посад петровского времени.

В списке 1699 г. перечислены 34 гостя. Из них через 14 лет осталось налицо 13 человек, остальные умерли или постриглись в монахи, не передав гостиного звания своим потомкам. Ещё малочисленное стали гости к 1725 г.; первая ревизия насчитала всего четырёх человек: Сверчкова, Филатьева и двух Чирьевых, да пропущенных при первой ревизии оказалось три гостиных внука: Иван Исаев, Иван Шустов и Иван Нестеров — всего семь человек, или глав семейств⁶. Таким образом, этот высший разряд торговых людей, владевший некогда наиболее мощными капиталами, постепенно терял своих членов, не пополнялся новыми и к концу первой четверти XVIII в., можно сказать, сошёл со сцены как особая категория торгово-промышленного мира — Москвы.

В составе гостиней сотни за это время происходили тоже большие перемены. При выборах в Бурмистерскую палату людей гостиной сотни по Москве числилось 280, а к 1713 г. «наличных» и платящих основной налог с посадского населения, «десятую деньгу», оказалось в Москве всего 87 да в разных городах 11 человек. Из остальных 71 значился в списках умерших и 6 постригшихся; небольшая группа в 11 чел. вышла в «разные чины»: в денщики к царевичу, в подьячие, в солдаты, а 31 чел. десятой деньги не платили, так как к этому времени, по выражению документа, «оскудели». Об остальных в данном источнике не имеется сведений.

Выход из состава гостиней сотни продолжался и после 1713 года. В списке первой ревизии старых фамилий можно насчитать не более 70, а всего в 1725 г. в сотне числилось 137 человек⁷. Новые люди, как это было и в XVII в., пополняли в указанном порядке гостиную сотню. Подобные указы продолжались вплоть до 1725 г.⁸, однако численность сотни оказалась вдвое меньше, чем она была в начале века.

Московские слободы в XVII в. делились на два основных разряда: чёрные и дворцовые. Это деление оставалось и при выборах Бурмистерской палаты, но количество слобод изменилось. Из 51 дворцовой и 25 чёр-

³ ЦГАДА, книга Денежного стола, № 50.

⁴ Материалы для истории московского купечества. Т. I. М. 1883 и Приложение 1-е. М. 1884.

⁵ Здесь необходима оговорка. Термин «купечество», часто встречавшийся при Петре, употребляется в документах в двух значениях: в более узком, когда под ним подразумевались торговые люди или купцы в собственном смысле слова, и в более широком (как в данном случае и почти всегда в последующем изложении), когда этот термин относился и к торговому и к ремесленному населению, иначе, был равнозначен старому названию «посадские люди».

⁶ Сведения соответственно взяты из материалов, указанных выше. Данные о пропущенных или «прописных» при первой ревизии имеются в переписной книге 1747 года. Материалы для истории московского купечества. Т. I. 2-я ревизия, стр. 1—165. М. 1883.

⁷ Цифровые данные о численности гостиней сотни в 1699, 1713 и 1725 гг. взяты из материалов, указанных выше. Число 137 получено путём суммирования перечня домохозяев, членов гостиней сотни, имеющегося в переписной книге 1725 г., с данными о «прописных» при первой ревизии людей гостиней сотни. Материалы для истории московского купечества. 1-я и 2-я ревизии. Т. I. Раздел «Гостиняя сотня».

⁸ Там же, стр. 5.

ных слобод, существовавших на протяжении XVII в.⁹, в списке 1699 г. значится всего 37 слобод¹⁰, из них 20 дворцовых (Барашская, Басманная, Большая Конюшенная, Большие Лужники, Бронная, Гончарная, Кадашевская, Казённая, Кошельная, Красносельская, Малые Лужники (две), Напрудная, Овчинная, Огородная, Садовая Большая, Садовая Набережная, Сыромятная, Таганная и Хамовницкая)¹¹, 16 чёрных (Алексеевская, Воронцовская, Голутвинная, Дмитровская, Екатерининская, Кожевницкая, Кузнецкая, Мясницкая, Новгородская, Ново-Никитская, Ордынская, Панкратьевская, Покровская, Семёновская, Сретенская, Устюжская)¹² и одна бывшая иноземческая Мещанская слобода. На протяжении XVII в., особенно его второй половины, более мелкие слободы теряли значение самостоятельных единиц и присоединялись к соседним¹³. Такое соединение двух слобод произошло в начале XVIII в., когда из Большой Конюшенной и Овчинной образовалась одна — Конюшенно-Овчинная слобода. В течение первой четверти XVIII в. исчезли ещё четыре слободы: Воронцовская, Ордынская, Покровская и Ново-Никитская. В 1699 г. все они числились «малодворными», что даёт основание предполагать их слияние в дальнейшем с другими слободами.

Таким образом, в списках первой четверти XVIII в. содержится уже не 37 названий слобод, как было в 1699 г., а 33¹⁴ и даже 32¹⁵, причём слободы в этих списках идут вперемежку, без их старого деления, как будто его никогда не существовало.

В итогах переписи 1701 г. во всех слободах Москвы значилось 6244 двора да гостей и гостиной сотни 324 — всего 6568 дворов, что составляет к общему числу дворов в Москве по той же переписи (16 357) 43%¹⁶. По другим источникам, число посадских дворов в Москве на ту же дату было несколько больше. Так, по сведениям Денежного стола, в 33 слободах Москвы на 1700 г. насчитывалось 6714 дворов¹⁷. По отдельным слободам число дворов, сравнительно с серединой XVII в., в одних увеличилось, в других уменьшилось¹⁸.

На основании данных об изменении состава дворов в слободах можно сделать два вывода. 1. Прибыль дворов наблюдается в большинстве дворцовых, убыль — в большинстве чёрных слобод. И это понятно: в XVII в. первые пользовались значительными привилегиями сравнительно со вторыми, поэтому положение тяглеца дворцовых слобод становилось более выгодным. 2. В общем итоге прибылых дворов оказалось на 737 больше, чем убылых дворов, что даёт совершенно нормальный прирост населения за вторую половину XVII века.

Гости и люди гостиной сотни на грани XVII—XVIII вв. жили по всей Москве, однако почти половина их дворов (156 из 324, или 48,1%) была

⁹ Богоявленский С. Московские слободы и сотни в XVII веке. «Московский край в его прошлом». Ч. 2-я, стр. 115—131. М. 1930.

¹⁰ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 1732, лл. 87—91, 210—211. Не следует думать, что в это число входили не все слободы, составлявшие Московский посад, а лишь те, которые фактически участвовали в выборах; по тем же сведениям, из 37—40 (5 дворцовых: Кошельная, Напрудная, Большая Конюшенная и две Малые Лужники; 5 чёрных: Ордынская, Покровская, Ново-Никитская, Ново-Кузнецкая и Екатерининская) оказались малодворными и не выбирали бурмистров, между тем в данном списке они имеются.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Богоявленский С. Указ. соч., стр. 118.

¹⁴ ЦГАДА, книга Денежного стола, № 50.

¹⁵ Материалы для истории московского купечества. Т. I и Приложение I-е.

¹⁶ Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. Т. II, стр. 309—310. М. 1872.

¹⁷ ЦГАДА, книга Денежного стола, № 50.

¹⁸ Сведения по XVII веку взяты из вышеназванной статьи С. Богоявленского; данные на 1700 год — из книги Денежного стола, № 50.

разбросана по территории Земляного города; 98 дворов находились за его чертою и только 70 дворов — в центральных районах столицы (в Китай-городе — 21, в Белом городе — 49).

Наибольшее количество дворов «посадских людей разных слобод», а именно 3208 (47,7%), по переписи 1701 г., находилось в Земляном городе и на 600 дворов меньше — за его чертою. В общем в этих двух более окраинных районах столицы жило 94,1% слобожан; в центральных же частях города — всего 5,9%. Между прочим, на территории Китай-города, служившего когда-то в старину местом первоначального посада Москвы, в 1701 г. насчитывалось только 8 дворов слободских людей и 21 двор гостей и гостинной сотни¹⁹.

На протяжении первых 25 лет XVIII в. происходили значительные изменения в численности и составе слободского населения. Известно, что царствование Петра I, с его непрерывными тяжёлыми войнами и рекрутскими наборами, с крупнейшими мероприятиями, вроде постройки флота и портовых городов, сооружения каналов и крепостей, потребовало чрезвычайного напряжения народных сил и средств и даже вызвало временное сокращение численности населения. Перепись 1710 г. показала не меньше 10% убыли населения по сравнению с переписью 1678 года²⁰.

По Москве и её отдельным слободам эта убыль оказалась прямо катастрофической — на 50 и более процентов. В общем по 30 слободам она составила 53,3%, или 4001 двор. Единственным исключением из 32 слобод оказалась Кошельная, в которой за данный период прибавилось 10 дворов²¹. Эти показатели нельзя, конечно, считать вполне реальными. Утайка дворов практиковалась при любой переписи, а при этой в особенности, что даже дало основание правительству не принимать во внимание её итогов. Однако убыль, пусть несколько меньшая, была налицо.

В связи с этим в 1709 г. «слобожане обложились вновь десятою деньгою», причём её общий оклад со слобод с 7890 руб. 13 алт. упал до 2902 руб. 6 алтын. Четыре слободы²² вовсе «оскудели», так что бывшее в них число дворов (105) и десятая деньга (361 руб. 31 алт. 4 ден.) в официальном документе отнесены к рубрике «убылых».

В том же документе мы имеем и объяснение данного явления: «А по ведомостям тех слобод старост, каковы от них поданы в Ратушу, та убыль учинилась от того, что в слободах многие тяглецы померли, а иные отданы в дачные солдаты, также самовольно из слобод вышли и записались во всякие разные чины»²³.

Факт убыли старого населения московского посада был подтверждён в 1715 г., когда правительство, встревоженное этим прежде всего с фискальной точки зрения, специально поручило А. И. Ушакову «расследовать о выходцах из московских слобод». По сведениям Ушакова, «в прежнем табельном окладе» (надо полагать, окладе 1701 г., так как в дальней-

¹⁹ Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. Т. II, стр. 310.

²⁰ Перепись дала 20% убыли. М и л ю к о в П. «Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого», стр. 202. 2-е изд. СПб. 1905. М. А. Ключков считает этот процент нереальным, вызванным усиленной утайкой дворов во время переписи 1710 г., и полагает, что убыль не могла быть выше 10%. К л ю ч к о в М. «Население России при Петре Великом по переписям того времени». Т. I. Переписи дворов и населения (1678—1721), стр. 256. СПб. 1911.

²¹ См. книгу Денежного стола, № 50. Сведения даются за 1709 год, так как перепись была начата в этом году с Москвы и её уезда. К л ю ч к о в М. Указ соч., стр. 25. В прошении, поданном на имя царя в 1716 г. челобитчиками от всех московских посадских людей, число тяглецов на 1709 г. даже несколько меньше—2520 вместо 2656 (ЦГАДА, книга Денежного стола, № 56, л. 180).

²² Очевидно, это те самые четыре слободы — Овчинная, Воронцовская, Ордынская, Покровская,—об исчезновении которых говорилось выше.

²³ ЦГАДА, книга Денежного стола, № 52.

шем сопоставление проводится с данными этого года. — Е. З.) купечества, кроме гостей и «гостиных детей», было 7325 человек²⁴. Из этого числа на 1716 г. «наличных» оказалось 2824 чел., или всего 38,7%. Остальные 4500 чел., кроме 89, переведённых в Петербург и Азов, были взяты в драгуны, солдаты, рекруты и гребцы, а также «собою вышли» и пропали без вести. Следующая таблица показывает, куда и в каком количестве «вышли» те из тяглецов московских слобод, о которых Ушакову удалось получить сведения.

Куда вышли	Сколько	
	человек	возвращено
В дворцовые, патриаршие, монастырские и за разных персон в крестьяне	279	217
В села Тайнинское, Покровское и Александрову слободу	98	36
В подьячие, денщики, солдаты, ямщики	29	11
В купчины, в попы, дьяконы и в обще церковники	109	57
На денежные дворы, в ружейную палату, в артиллерию, на суконный и шляпный дворы и к полотняным заводам	390	98
В богадельню, за скудость не платит, в Петербурге и других городах в лицах нет	184	14
Всего	1089	433

Из приведённой таблицы видно, в каких направлениях шёл наибольший отлив населения из слобод. Важно отметить, что здесь на первом месте стоят производства, в частности, суконный, шляпный и полотняный дворы, возникшие при Петре. Новые мануфактуры заняли в Москве уже определённое место, и недаром относительно возвращения ушедших в них тяглецов делалось исключение ввиду того, что на предприятиях без них «пробыть никоим образом невозможно и набираны в те чины именованного царского величества указом». По мере возникновения мануфактур вне Москвы в них также оседала часть москвичей, покидавших столицу. Из 124 учеников игольной фабрики Рюминых, находившейся в Переяславском уезде, в 1720 г. оказалось 77 чел. из разных слобод Москвы, определившихся сюда, по их словам, «из сиротства»²⁵.

На втором месте по численности вышедших тяглецов стоит рубрика «в крестьяне», причём села Тайнинское, Покровское и Александрова слобода выделены в особую графу: там больше занимались торговлей и промыслами, чем земледелием, и тот, кто уходил из Москвы туда, не менял своего занятия.

По существу, и те, кто значился по первой графе, только формально превратились в крестьян. Большинство из них оставалось в Москве и продолжало заниматься прежними промыслами, сидя теперь на «белых местах», а поэтому освободившись от тяжких повинностей, лежавших на посаде. О вольготном житье беломестцев писали посадские челобитчики в 1716 г.: «Торгуют они многие многими товарами и промышленяют многими промыслами, всякими заводами и постоялые дворы держат по волности

²⁴ ЦГАДА, дела Главного магистрата, св. I, д. № I. Хотя эти итоги даны в других показателях (число убылых тяглецов, а не дворов), тем не менее они вполне сопоставимы с предыдущими числами 1701 и 1709 годов. Число 7325 обозначало, несомненно, главы семейств, живших в собственных или наёмных дворах и состоявших «в прямом окладе», а не всё население посадских дворов с чадами и домочадцами. Число же глав семейств в то время почти совпадало или немного превышало количество дворов, так как бывали случаи, когда в одном дворе жило не одно самостоятельное семейство, облагавшееся отдельно. Этим обстоятельством можно объяснить расхождение данного числа 7325 с ранее приведённым числом дворов гостиной сотни и сложожан (около 6000).

²⁵ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 614, л. 318—332.

и бес помешательства»²⁶. Положение беломестца особенно манило в первое десятилетие XVIII в., когда на московский посад сыпались самые разнообразные требования правительства.

Правительственные указы отмечали такое же желание московского купечества — путём выхода освободиться от служб. Однако, в действительности даже правительственные органы не всегда видели в этом злостное уклонение от государственных повинностей. Недаром в таких документах, как книги Денежного стола по сборам с купечества, официально признавалось в отношении некоторых, что они «выплатились», в отношении других, — что они «вообще оскудели» и не являются больше плательщиками. При расследовании Ушакова о выходцах из слобод и накопившихся недоимках объяснялось, что недоимку даже не пробовали собирать, «ибо весьма бедные, и буде с них взять ту недоимку, то уж впредь из них не будет ни одного плательщика, а с других, конечно, за совершенную скудностью взять нечего»²⁷.

Несомненно, прежде всего на московский посад и в первую очередь на его высшие разряды падала тяжесть финансовых требований петровского правительства, а также многочисленные разорительные службы. Удельный вес сборов с Москвы в доходах ратуши, по сравнению со всеми остальными городами, вместе взятыми, по данным на 1709 г., был очень велик²⁸.

	С б о р ы *		
	окладные	неокладные	канцелярские
С Москвы	156 248 р. 22 алт. 2 ¹ / ₂ д.	11 940 р. 2 алт. 5 д.	2 809 р. 10 алт. 4 д.
С городов	179 962 руб.	9 816 р. 14 алт. 2 д.	12 303 р. 19 алт. 4 д.

Основным и наиболее тяжёлым налогом с городского населения при Петре становится «десятая деньги», которая с начала XVIII в. превращается в постоянный прямой поимущественно-подоходный налог. Его платили все посадские люди — и торговые и ремесленные — соответственно размерам торгов и промыслов каждого плательщика. На практике этот принцип выдерживался далеко не всегда и с очень относительной точностью; между первостатейными и маломощными велась постоянная борьба, причём последние обвиняли первых (из которых обычно бывали окладчики) в желании их «отяготить». В 1701 г. общая сумма десятой деньги с московского и городского купечества равнялась 65 478 рублям²⁹. Из этой суммы оклад десятой деньги московских гостей и именитого человека Строганова составлял около 9480 руб., людей гостинной сотни — 1900 руб. и 33 слобод — 7579 руб. 18 алт. 4 денги³⁰, т. е. в целом с московского купечества — около 19 тыс. руб., или почти 29% общей суммы десятой деньги. Индивидуально оклад Строганова равнялся 3300 руб., оклады гостей колебались от 1250 до 20 руб., гостинной сотни — от 60 руб. до рубля и даже до полтинника.

Наибольший из окладов слобод, в размере 1466 руб. 11 алт. 2 ден., приходился на Большую Садовую слободу, в которой в это время насчитывалось 312 дворов, т. е. в среднем на двор 4 руб. 70 коп., — оклад очень высокий, уже судя по тому, что на члена гостинной сотни в среднем приходилось около 6 рублей 60 копеек. На втором месте по размеру налога стояла также известная в XVII в. дворцовая Кадашевская слобода, 349 дворов которой должны были платить 935 руб. 14 алт. 2 ден., или в среднем около 2 рублей 70 копеек. Малый оклад, в размере 16 руб., пола-

²⁶ ЦГАДА, книга Денежного стола, № 56, л. 181.

²⁷ Там же, № 50; дела Главного магистрата, св. I, д. I.

²⁸ Там же, Гос. архив. Разр. XIX, кн. I, ч. XXI, л. 119—127.

²⁹ Кизеветтер А. «Посадская община в России XVIII столетия», стр. 368. М. 1903. В 1707 г. оклад десятой деньги упал до 39 480 руб. 12 алт., а в 1722 г., накануне отмены этих сборов, поднялся до 48 389 руб. (там же, стр. 392).

³⁰ ЦГАДА, книга Денежного стола, № 153.

гался с 42 дворов слободы Малых Лужников, под Девичьим монастырём, т. е. в среднем около 38 коп., и наименьший, в 11 руб. 25 алт., — с Напрудной слободы, где в среднем на каждый из 76 дворов приходилось около 16 копеек. При условии большой населённости сравнительно невысоки были общие оклады двух самых многодворных слобод — Мещанской (877 дворов, оклад 293 р. 18 алт. 4 ден.) и Басманной (549 дворов, оклад 152 руб. 18 алт. 2 ден.), в силу чего средний оклад по первой равнялся 33½ коп., а по второй — 27½ копейкам³¹.

Таким образом, оклад десятой деньги определялся не столько количеством дворов, сколько имущественным состоянием населения той или другой слободы, в частности, наличием в ней людей «первостатейных», налог с которых приравнивался к окладам «лучших» из числа гостиной сотни.

Однако оклад десятой деньги не показывает ещё всей тяжести этого налога. Он обозначал сумму, требовавшуюся ко взысканию «в один побор», между тем в действительности таких поборов бывало по три — четыре, а иной год, видимо, до десяти. Об этом свидетельствует выписка, сделанная в Московской губернской канцелярии относительно 23 выходцев из слобод в село Тайнинское в 1707—1708 гг.: Садовой (Набережной) слободы Иван Тимофеев Галкин — оклад десятой деньги — 1 руб., в год 10 руб.; Иван Афанасьев — оклад 6 алт. 4 ден., а в год 2 руб.; Андрей Тимофеев Рыбник — оклад 5 алт., а в год 1 руб. и т. д.³² Возможно, сюда же входили так называемые «запросные деньги», или сборы, в петровское царствование сыпавшиеся на головы посадских людей и исчислявшиеся с оклада десятой деньги³³.

Кроме десятой и запросных денег, посады, в том числе московский, продолжали платить старый налог — стрелецкие деньги, канцелярские сборы. — а главное — косвенные налоги в форме таможенных и кабацких сборов, о тяжести которых можно судить по тому, что в общем бюджете ратуши они составляли до 80%³⁴.

По мере роста государственных расходов увеличивалось количество налогов и сборов; наряду со старыми появлялись всё новые и новые, собираемые с разных объектов обложения и по различной системе. В этом отношении чрезвычайно красноречивы цифры, приводимые в посадской челобитной 1716 года. За три года, с 1707 по 1709, московские слободы выплатили следующие чрезвычайные сборы. В 1707 г. с них взяли в один раз 2 тыс. рекрутов, на содержание которых в течение 2 лет было собрано кормовых 32 400 руб., и во второй раз — тысячу человек. За последних они уплатили деньгами по 20 руб. с человека, т. е. 20 тыс. руб., да кормовых на три года 21 600 рублей. В 1708 г. взято 200 чел. в драгунскую службу, «подмоги» дано 1600 рублей. В те же годы слобожане нанимали и содержали свыше 3 тыс. чел., работавших по укреплению Москвы, что обошлось им в огромную по тому времени сумму — 105 тыс. рублей. В 1709 г. на постройку триумфальных ворот было собрано по 1½ десятой деньги, что составило 11 500 рублей. Таким образом, чрезвычайные сборы за три года обошлись слобожанам в 192 тыс. рублей. Итог же платежам «сверх табельного оклада» с 1702 по 1716 г. выразился в сумме свыше 300 тыс. рублей³⁵. После этого нам не покажутся простыми жалобами заверения челобитчиков, что московские посадские люди во всевозможных платежах, сравнительно с другими городами, «весма обижены» и что в результате они пришли «в самое убожество».

³¹ Данные о числе дворов и размерах десятой деньги взяты из книги Денежного стола, № 50, средние выведены мною.

³² ЦГАДА, дела Московской губернской канцелярии, св. 1876, д. № 34, л. 3—4.

³³ Кизеветтер А. Указ. соч., стр. 373—374.

³⁴ Там же, стр. 389.

³⁵ ЦГАДА, книга Денежного стола, № 56, лл. 175—176.

Другой тяжёлой повинностью членов высших торговых категорий и московских слобожан были многочисленные службы в качестве старост, ценовальников и счётчиков при разных казённых учреждениях Москвы и других городов, а также при разнообразных сборах: в московской таможне, на питейных дворах, в соляной конторе, у продажи гербовой бумаги, у сбора мостовых, конских, банных и др.³⁶ Всякая служба, особенно в другом городе, была помехой в собственных торговых делах; мало того, по большей части она сказывалась новым «накладом», кончаясь неблагоприятным сведением счетов, взысканием доимочных денег и пражежом.

Ещё в предыдущем столетии торговые люди жаловались на многочисленность и разорительность служб. При Петре, в связи с чрезвычайным осложнением государственного управления, потребовалось несравненно больше людей не только из привилегированного класса, царедворцев и помещиков, но и из торгового люда. Так, при первом крупном мероприятии—сооружении флота за счёт кумпанств—было привлечено 23 человека из гостей³⁷. В 1701 г. только на денежные дворы требовался 21 чел. из гостей и гостиной сотни и 27 слобожан—на должность «рядовых ценовальников»³⁸; москвичей, «добрых и пожиточных» торговых людей требовали также в другие места: в 1712 г. 12 чел. вызывали в Петербург и 6 чел.—в Ригу; в следующем году—опять 6 чел. в петербургскую ратушу³⁹; на 1721 г. в разные службы из московского посада было определено 1037 чел., из них «за умалением тягленов из службы в службу»—588 чел.⁴⁰. «А у твоих государевых у таможенных и у питейных сборов и на денежных дворах и у протчих служим повсегодно непременно ж, а у мундирных дел у приёма и отдачи бываем года по два и по три и больши без отпуску от судей»⁴¹.

Реальным положением вещей были вызваны указы от 5 мая 1714 г.⁴² и 23 апреля 1722 года⁴³, запрещающие назначать из посадских людей счётчиков «у приёмов и у расходов великого государя податей и других доходов», так как «для выбора в счётчики, так и от многих недочётов купецким людям чинится великое разорение»,—признавалось само правительство.

Итак, жёсткие требования правительства, обусловленные в большинстве случаев государственной необходимостью, являлись главной причиной большого разорода и оскудения многих членов московского посада, начиная с крупных и кончая рядовыми слобожанами.

Тем не менее Москва—естественный и давний торгово-промышленный центр, позволявший развернуть дело и силы на более широком просторе,—привлекала к себе тысячи новых людей.

Всякий вновь прибывший в Москву хотел попасть в льготное положение беломестца, поселившись «на боярских и на монастырских, и на стрелецких, и на церковных землях». Эта категория московского населения, пополнявшаяся также и за счёт самих москвичей, увеличивалась даже в трудные годы первого десятилетия XVIII века. По переписи 1715 г., только торгующих беломестцев оказалось 2240, да сидельцев у них 200. Таким образом, в эти годы численность беломестцев приравнивалась к количеству тягленов-слобожан. Оба эти разряда населения

³⁶ Подробное перечисление посадских служб, Кизеветтер А. Указ соч., стр. 170—179.

³⁷ Богословский М. Пётр I. Т. I, стр. 362. 1940.

³⁸ Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. Т. II, стр. 304—305. М. 1872.

³⁹ Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого. Т. III, кн. I, № 207; т. IV, Ч. I-я № 849. СПб. 1887.

⁴⁰ ЦГАДА, дела Главного магистрата, св. I, д. № 1.

⁴¹ ЦГАДА, книга Денежного стола № 56, л. 182.

⁴² ЦГАДА, дела Главного магистрата. Книга указов 1719—1721 гг., стр. 101.

⁴³ ПСЗ. Т. V, № 3966.

фактически занимали равное положение в городской торговле Москвы: за беломестцами числились 1782½ лавки, за гостями, гостиной сотней и слобожанами, кроме пустых, — 1813⁴⁴. Естественное в этих условиях требование посада о записи беломестцев в его состав совпадало с фискальными интересами правительства. Результатом этих совместных усилий являлись факты массового пополнения посада за счёт недавних привилегированных соседей. Так, в 1716 г. (год подачи коллективной челобитной) были сразу вписаны в московский посад 1776 «беломестцов Тайнинского, Покровского и других крестьян и всяких чинов людей». При этом оклад десятой деньги, наложенный на них, равнялся 1691 руб., т. е. в среднем по 95 коп. с человека, в то время как средний оклад рядового московского тяглеца не превышал 50—60 коп.⁴⁵ Привлечённые к несению посадских платежей, они были причислены к наличным тяглецам слобод, в результате чего число тяглецов поднялось приблизительно до 4500 человек. Последнее число почти совпадает с итогом первой ревизии по группе «старинных» тяглецов. Очень возможно, что две с лишним тысячи человек, зачисленные в 1716 г. в посад, в 1725 г. уже были отнесены к категории «старинных» его членов.

Пополнение московского посада происходило также путём индивидуальной и добровольной записи в те или другие слободы «новоприбылых», которые по тем или другим обстоятельствам не могли «сесть на белое место». Об этом массовом притоке свидетельствуют материалы ревизии 1725 года⁴⁶.

Переписная книга 1725 г. различает «старинных», или «природных», и «новоприбылых» тяглецов в московских слободах. Кого относили переписчики в ту и другую рубрику, неизвестно, все же, несомненно, «природность» надо понимать не в прямом значении слова, а в смысле известной давности, но какой, мы не знаем. Во всяком случае, в 32 слободах старинных оказалось 4350 человек.

Новоприбывших переписчики делили на записавшихся после 1719 г., т. е. после Ландратской переписи, и до 1719 г., но с какого времени, не уточняется, лишь в некоторых случаях указывается, что речь идёт о тех, кто «прибыл» с 1700 года. Но «прибыть» и «записаться» — два различных момента: прибывший становился тяглецом слободы после записи и обложения посадскими сборами. Всего вновь записавшихся, по первой ревизии, оказалось 2510 чел., из них до 1719 г. — 1272 и после — 1238, т. е. почти поровну.

Нет ни одной слободы, в которой не оказалось бы вновь записавшихся тяглецов; при этом лишь в двух случаях они насчитываются единицами, во всех остальных — десятками, численно иной раз приравняваясь к старинным, а иногда даже превышая количество последних. Оба разряда московских тяглецов составили в сумме 6860 семейств, из которых 63,4% приходилось на долю старинных и 36,6% — на долю прибылых (без прописных).

Прибавляя пропущенных при первой ревизии 777 слобожан⁴⁷ и 146 гостей и гостиной согни⁴⁸, мы получили всего на 1725 г. 7783 главы семей, входивших в состав московского посада. Сопоставив число дворов

⁴⁴ ЦГАДА, книга Денежного стола, № 56, л. 180—181.

⁴⁵ ЦГАДА, дела Главного магистрата, св. I, д. № 1.

⁴⁶ Материалы для истории московского купечества. Т. I. М. 1883. Т. I. Приложение I-е. М. 1884. Данные о пропущенных или «прописных» при первой ревизии имеются в материалах следующей, 2-й ревизии 1747 г., напечатанных там же.

⁴⁷ Возможно, что это число должно быть несколько увеличено, так как в переписной книге 1747 г., вследствие утраты её конца, не имеется данных по трём слободам — Мясницкой и двум Малым Лужникам.

⁴⁸ Это число является суммой двух слагаемых: числа семейств гостей и гостиной сотни (120 по переписной книге 1725 г.) и пропущенных при первой ревизии, но перечисленных при второй (26 человек).

гостей, гостиной сотни и жителей 33 слобод Москвы на 1700—1701 г. (6568 дворов) с только что полученным числом (7783 чел.), мы можем сказать, что общее количество посадских семейств к концу первой четверти XVIII в., сравнительно с её началом, увеличилось на тысячу с лишком.

Самую многочисленную группу из вновь записавшихся, в количестве 1441 чел. из 2434, разнесённых по чинам, или 59,2%, составляли посадские люди других городов. Почти в три раза меньше (511 чел., или около 20%) оказалось крестьян, причём дворцовых (253) и частновладельческих (258) поровну. Вдвое меньше, чем крестьян, значилось разночинцев (256), и, наконец, группу в 226 чел. составляли прочие, из которых большую часть (212) составляли московские слобожане, обязанные записываться в магистрате при переселении из одной слободы в другую.

Таким образом, из трудных условий петровского царствования московский посад вышел необезлюдённым и запустевшим. Появлявшаяся «пустота» заполнялась, и город, утративший политическое первенство, оставался крупнейшим средоточием торгово-промышленного люда. Это быстрое возмещение убыли за счёт прибылых было возможно в силу двух обстоятельств: естественной тяги в Москву как широко известный торгово-промышленный центр, с одной стороны, и определённой политики петровского правительства — с другой.

На смену уходившим и обнищавшим непрерывно притекали люди в Москву со всех сторон⁴⁹.

В Кадашевскую слободу после 1719 г. прибыли посадские люди из следующих городов: из Тулы — 14, Владимира — 5, Серпухова — 9, Калуги, Каширы, Ярославца Малого, Боровска, Ростова, Ярославля, Галича, Люблина, Бежецкого Верха, Зарайска, Холмогор — по 1—2 чел. — всего 52 человека. В Большую Конюшенную слободу после 1719 г. записалось 60 посадских людей из 24 городов; в Малых Лужниках поселилось больше 70 жителей 26 городов, в числе которых (кроме названных выше) значились повожские города — Старица, Романов, Юрьев-Польской, Кострома, Нижний, Астрахань, — а также западные и юго-западные — Смоленск, Севск, Белгород, Одоев и др. В небольшую в XVII в. Панкратьевскую слободу после 1719 г. прибыли 56 чел. из 21 города, в том числе из Кашина, Углича, Муром.

Особенно заметна в этом отношении Тула. В одну только Кадашевскую слободу записалось до 1719 г. из 63 иногородних посадских людей — 44 чел. тульских жителей, да после 1719 г. — 14 чел.; в Конюшенную — 10 чел., в Малые Лужники — 11 чел., и в ряд других слобод — по 6—7 чел. тулян. Это свидетельствует о большом торговом значении города. К «сходцам» из Тулы принадлежали крупнейшие фамилии московских купцов 20-х годов, ставших первыми петровскими фабрикантами, — таковы Иван Аврамов Зубков, Андрей Овощников, братья Лаврушины, Хрисанф Неврев, Прохор Докучаев, Астафий Томилин. Из других городов вышли такие видные купцы и фабриканты Москвы, как Семён Холщевников, гостиной сотни Иван Култыгин, Илья Богомоллов, Прокофий Тележников и другие.

Из разных уездов тянулись в Москву крестьяне. Переселялись жители соседних дворцовых сёл — Покровского, Тайнинского, Хорошова, Троицкого, Коломенского, — или волостей Московского уезда — Гжельской, Гуслицкой, Домодедовской и др. Шли из других уездов Московской губернии и уездов других губерний; из южных — Коломенского, Переяславль-Рязанского, Краснослободского; западных — Вяземского, Дорогобужского, Смоленского; повожских — Юрьевца-Повольского, Балахнинского, Нижегородского; но особенно много из северных уездов — Суздальского, Владимирского, Романовского, Ростовского и Костром-

⁴⁹ Сведения для дальнейшего взяты из материалов 1-й ревизии. Материалы для истории московского купечества. Т. I и Приложение 1-е.

ского. На первом месте стоят два последних уезда, где и в более позднее время было чрезвычайно развито отходничество в Москву и Петербург, именно в торговую сферу. Из сёл Ростовского уезда на страницах переписи 1725 г. чаще всего встречаются два крупнейших села этого уезда — Вошажниково и Великое, — из сёл Костромского уезда — Сидоровское и Даниловское, позднее — город Данилов. Крестьяне одной и той же местности переселялись в Москву группами и часто в одну и ту же слободу. Так, например, из 18 дворцовых крестьян, записавшихся в разное время в Напрудную слободу, 8 оказалось уроженцами села Даниловского. В Малые Лужники (что у Крымского моста) всего крестьян записалось 35 человек, из них — 6 чел. из Даниловского, 4 — из Сидоровского, 3 — из Хорошова.

Стремилась также в Москву люди других чинов — из церковных причетников, из бобылей, сыновья сторожей и ямщиков. Это были люди, упорно пробивавшие себе дорогу и располагавшие уже некоторыми средствами, иначе их не записали бы в Магистрате. В Москве они быстро пускали корни. Купец 1-й гильдии Степан Григорьев Цивилин (отец которого, живя в Вологде, «был в услужении в доме именитого человека Гр. Дм. Строганова»), приобретя торговый опыт и некоторое состояние, «по фискальному доношению», записался в 1723 г. в Конюшенную слободу, «с указным торгом», определявшимся в несколько сотен рублей⁵⁰. Иван Фёдоров Комлехин, «калмыцкой нации сибирских городов», «в малых летах» был взят в плен, крещён, в 1698 г. привезён в Москву и отдан тяглецу Сретенской сотни, у которого прожил 20 лет, да 7 лет «в услужении» у Строгановых. А в дальнейшем мы знаем его как московского купца первой гильдии и компанейщика игольной фабрики Рюмина.

Так московский посад восстанавливал свои силы, привлекая людей и средства с разных сторон и из разных слоёв населения. Но он же давал этим людям возможность широко развернуть свои силы.

Пополнение московского посада происходило, однако, не без воздействия правительства. Пётр I на всём протяжении царствования придавал чрезвычайно большое значение тому, в каком состоянии находится посадское население Москвы. Об этом свидетельствует прежде всего систематический учёт или переписи, производившиеся через каждые 4—5 лет, а именно: в 1701 г. — перепись всей Москвы; в 1704—1705 гг. — подача сказок о торгах и промыслах гостями, гостиной сотни и слобожанами столицы; в 1709—1710 гг. — генеральная перепись всего населения империи; в 1716—1719 гг. — Ландратская перепись и, наконец, в 1725 г. — первая ревизия. В случае, если перепись давала плохие результаты, правительство немедленно принимало меры к тому, чтобы укрепить московский посад. Для этого рекомендовались три основных мероприятия: возвращение ушедших из слобод, за исключением тех, кто ушёл к мануфактурным делам, если без них нельзя обойтись; запрещение впрямь не только выходить «ни в какие чины», но и не переписываться из слободы в слободу, что мешало точному учёту тяглецов и их повинностей; пополнение наличного состава посада новыми силами. Последнее представляется особенно важным.

Как и в XVII в., главным источником пополнения должны были служить беломестцы. Этот резерв, по указам Петра I, следовало всячески втягивать и закреплять за посадом. Указом от 15 июня 1700 г.⁵¹ разрешалось тяглецам московских слобод «дворы свои продавать и закладывать и за иски отдавать беломестцам всяких чинов людям всем вольно»; в свою очередь, последние получали равное право со слобожанами свои дворы «продавать и заложить и во всякие крепости кре-

⁵⁰ Материалы для истории московского купечества. Т. I, стр. 208. М. 1883.

⁵¹ ПСЗ. Т. IV, № 1798.

пить, кому похотят». Уже в ранних указах Петра сквозит тенденция стирания граней между старинными московскими слобожанами и пришельцами-беломестцами (при условии несения последними всех повинностей). «А кончае всем чёрнослободцам и беломесцам, у которых дворы не записаны, записать в Ратуше» или «и впред дворовыми делами беломесцев и чёрнослободцев ведать только в Стрелешском приказе», — читаем в том же указе 1700 года. В петровских указах беломестцы и чёрнослободцы всегда стоят рядом, на одном счету; в более же поздних указах термин «беломестцы», можно сказать, не встречается.

Запись в посад широко разрешалась всякому, кто по своим занятиям и экономическому состоянию мог занять здесь соответствующее положение при обязательстве соблюдать требования фиска. «Записываться в посад, — говорилось в указе от 13 мая 1722 г., — звонарям, ямщикам, пушкарям, воротникам, крестьянам и иных пристойных чинов людям вольно, чьи б ни были, только осмигривенные подушные деньги, також и подати помещику обыкновенных крестьян, а не по богатству платить они и их потомки повинны тем, чьи были»⁵². Это — одно условие, а другое касалось экономического состояния записывающегося. «А записываться тем, которые будут иметь торгов 500 и выше, также и тем, которые ездят, хотя и меньше того числа, а именно от 300 и выше, к Петербургскому порту, а к прочим портам от 500 и выше»⁵³. В более ранних указах размер указного торгового минимума свидетельствует, во-первых, о росте торговли вообще и торговых операций отдельных лиц, а, во-вторых, о желании правительства не просто пополнить численно посад кем-нибудь, а сделать его экономически мощным.

Практические мероприятия правительства соответствовали законодательству. Об этом свидетельствует массовое включение в московский посад беломестцев в 1716 г., а также сотен и тысяч пришельцев в Москву, оформленных по слободам до и после 1719 года.

В какие же из московских слобод записывались в наибольшем количестве новоприбылые люди? В XVII в. самыми крупными были следующие слободы: из дворцовых — Басманная (549 дворов), Казённая (440 дворов), Огородная (355 дворов), Кадашевская (349 дворов), Б. Садовая (314 дворов); из чёрных — Алексеевская (325 дворов), Дмитровская (174 двора), Семёновская (208 дворов), Кожевницкая (252 двора) и Сретенская (202 двора); в каждой из остальных было меньше 200 дворов⁵⁴. По данным первой ревизии, наибольшее число вновь записавшихся — свыше 100 дворов — оказалось в слободах: Сыромятной, Коношениной, Овчинной, в обоих Малых Лужниках, Кадашевской, Напрудной, Котельной, Голутвенной, Алексеевской, Панкратьевской.

В остальных слободах записавшихся числилось менее, чем по 100 человек. Только две слободы из числа наиболее крупных в XVII веке слобод — Кадашевская дворцовая и чёрная Алексеевская — попадают в списке слобод, наиболее пополнившихся при Петре I, остальные крупные слободы XVII в. привлекли к себе сравнительно небольшое число тяглецов. Так, например, Басманная — 38 чел., Казённая — 64, Большая Садовая — 98; из чёрных — Дмитровская — 55, Кожевницкая — 27, Семёновская — 22. Зато почти на 100% пополнились небольшие слободы XVII в., как Гончарная, Сретенская, Кузнецкая, Таганская и Екатерининская.

Особенно бросается в глаза рост четырёх небольших в XVII в. дворцовых слобод — Напрудной, где на 47 природных тяглецов оказалось 153 вновь записавшихся, Кошельной (на 76 чел. — 148) и двух Малых

⁵² ПСЗ. Т. VII, № 4336. В данном указе от 23 октября 1723 г. имеется цитируемая в тексте ссылка на указ от 13 мая 1722 года.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Богоявленский С. Указ. статья, стр. 115—131.

Лужников. С другой стороны, самая крупная в XVII в. слобода — Мещанская (в 1684 г. — 692 двора) — пополнилась всего 42 тяглецами. Если в течение второй половины XVII в. население дворцовых слобод неизменно увеличивалось, а чёрных — уменьшалось, то теперь оба разряда слобод одинаково встречаются в списках и наиболее и наименее заселившихся слобод. Здесь уже не играл роли разряд, к которому относилась слобода в предшествующем столетии, потому что в рассматриваемый период стёрлись самые различия в положении и значении двух основных разрядов слобод — дворцовых и чёрных. В этом отношении чрезвычайно характерна самая формулировка петровских указов, очень сбивчивая, какой не могло быть в XVII веке. Вот примеры: «Великий государь указал: Кадашевой и Хамовнишкой и Казённой и Бронной и дворцовых и Конюшенных и гостиной и чёрных сотен и всех слобод, и с беломестцовых дворов» и т. д. (из указа 24 мая 1700 г.)⁵⁵ или «беломестцам всяких чинов людей и гостей, и гостиные и чёрных сотен и дворцовых Кадашевской, Хамовной и Конюшенной, Мещанской и Казённых, оружейных и каменщицких, и всех чёрных сотен и слобод» (из указа 24 января 1701 г.)⁵⁶. Как видим, это — действительно небрежное перечисление или, вернее, бессмысленный набор как бы устаревших, потерявших прежнее реальное значение названий и классификаций. Так это и было в действительности.

Дворцовые слободы, некогда входившие в орбиту крупнейшего феодального дворцового хозяйства, выполняли определённые обязанности, своего рода «изделье», в его системе. Но уже к концу XVII в., по мере того как денежная рента стала заменять вообще разные натуральные повинности, эти слободы начали терять свои прежние связи с дворцом. Эти связи ликвидируются при Петре. Исчезло большое царское хозяйство в Москве, опустел дворец, а расширившиеся запросы государства требовали другой системы их удовлетворения. Дворцовых бронников и оружейников заменили специалисты-мастера и новые оружейные заводы; службу барашей и сторожей Казённой слободы — нижние воинские чины; мастерия Хамовнической и Кадашевской слобод — полотняный завод и парусная фабрика. Но вместе с освобождением от дворцовых служб и работ на дворец эти слободы потеряли и то особое положение, которое выделяло их из числа других, особенно тяглых чёрных слобод и сотен. Они сравнялись с ними, на них распространились общие платежи и повинности и различать их становилось бессмысленно, как не имело смысла теперь желание приписаться именно к ним.

В процессе большего или меньшего пополнения тех или других слобод, видимо, играли известную роль степень населённости и наличие фактически свободной земли для поселения. В пользу этого соображения говорит то обстоятельство, что наибольший приток прибылых происходит в малонаселённые до того слободы, слободы, обычно расположенные на окраинах, частично за Москвой-рекой, а не в центре, где издавна территория была гуще заселена. Между прочим, увеличилось население слобод, расположенных в районе Мясницкой, Покровки, при впадении Яузы и вверх по ней, т. е. в той местности, которая при Петре стала быстро заселяться разным людом, начиная от царедворцев и вельмож и кончая рабочими мануфактур, возникавших как раз по течению Яузы.

Однако наличие свободной земли не могло иметь в это время решающего значения при записи в ту или другую слободу, так как запись не обязывала (во всяком случае, при Петре I) к поселению на территории, раньше значившейся под той или другой слободой. Ещё до Петра бывали случаи, когда тяглец состоял тяглецом слободы не по месту жительства, а по уплате в данной слободке лежавших на нём платежей и несению других повинностей. В 1689 г. в Мещанской слободке живущих на её территории тяглецов числилось 654 дворохозяина да мещан, «которые живут

⁵⁵ ПСЗ. Т. IV, № 1789.

⁵⁶ Там же, № 1831.

по разным слободам и сотням, наймуя дворы и подклеты», а также у родных в своей слободе — 252 человека⁵⁷. Тем большая территориальная путаница среди московского населения произошла при Петре I, когда официально разрешалось жить где угодно, даже в уезде, лишь бы по роду деятельности и фискальным взысканиям быть приписанным к посаду. В результате, например, к моменту первой ревизии, в Садовой Набережной слободе только 20 семей тяглецов жили на её территории, а 60 семей — в других слободах; 179 семейств, или больше половины, тяглецов Большой Садовой слободы жили по всей Москве, в то время как на территории слободы имели свои дворы тяглецы других слобод⁵⁸.

Мало того, если половина тяглецов была разбросана по всей Москве, то тем самым становилось почти невозможным сохранение за слободой значения административной единицы и роли того общественного организма, или коллектива, каким слобода являлась в XVII веке. Таким образом, территориальный признак в понятии слободы всё больше и больше утрачивался. Понятие «слобода» становилось всё более отвлечённым, имеющим значение и смысл почти только с фискальной точки зрения. Это отмирание слободской организации, определившись при Петре, продолжалось и после него.

Утрачивало прежние отчётливые грани в изучаемую эпоху и деление московского посада, с точки зрения экономической, на три категории: гостей, гостиную сотню и рядовых тяглецов сотен и слобод. Но и этот процесс нарушения граней между данными состояниями начался ещё до Петра.

К началу XVIII в. даже гости не представляли собою однородной группы монополистов, какими их изображал Котошихин. Наряду с огромными по тому времени окладами десятой деньги — в 1250 руб. (Филатьев), 700 руб. (Шустовы), 670 руб. (Лузины), половина окладов не превышала 50 руб., а были по 20 и даже по 10 руб.— оклады, каких было немало среди гостинной сотни. Внутри последней наблюдается ещё более резкое расслоение, нашедшее отражение в амплитуде колебания того же подоходно-поимущественного налога от 60 руб. до одного рубля и даже до полтинника⁵⁹. За первые 10—15 лет XVIII в. это расслоение стало ещё глубже.

Гостинный сын Илья Исаев, крупнейший поставщик в казну сукон и смольчуги, скупщик-оптовик пеньки для отправки в Архангельск, — делец нового, широкого, почти европейского масштаба, недаром он был сразу отмечен Петром I и использован на разных ответственных административных постах. Начав службу в качестве управителя суконного казённого двора, в 1712 г., Исаев стал обер-инспектором Рижского магистрата, а в 20-х годах — президентом Главного магистрата. С ним по опыту и размаху торговой деятельности мог поспорить его родственник гостинной сотни Матвей Григорьевич Евреннов, крупнейший оптовик по торговле с Персией, с иностранцами в Архангельске, промышленник и фабрикант, которому Пётр I передал два предприятия, начатые виднейшими сановниками: сальный промысел на севере — А. Д. Меншикова и шёлковую фабрику Апраксина, Толстого и Шафировва. Крупными купцами были гостинной сотни Степан Цынбальщиков, торговавший персидскими товарами и располагавший по тому времени такими большими средствами, что мог в 1719 г. купить дом за 2200 руб., а в 1724 г. — две лавки за 1200 руб.⁶⁰, Матвей Бронницкий, Алексей Нестеров, Борис Карамышев, имевший большие торги в Сибири и одно-

⁵⁷ ЦГАДА, Городовые книги по Москве, № 7, 1685 г. Числа получены путём подсчёта отдельных тяглецов.

⁵⁸ Материалы для истории московского купечества. Т. I. Числа получены путём подсчёта отдельных тяглецов.

⁵⁹ ЦГАДА, книга Денежного стола, № 50, 153, 154.

⁶⁰ Актовые книги по г. Москве. Т. II. Стр. 386, М. 1893. Т. III. Стр. 392. М. 1895.

временно состоявший купчиной при Сибирском приказе. Не случайно почти все они в 1714 г. были назначены на житьё в Петербург, куда требовались те, кто «у портов и на ярмарках валовые торги или где какие заводы и промыслы имеют, из первостатейных и из средних пожиточных людей»⁶¹.

А рядом с ними в тех же списках гостей и гостиной сотни числится гость Василий Чирьев, после смерти которого не осталось ни вотчин, ни дворов, ни лавок, ни пожитков, так что последний двор пришлось продать, чтобы получить деньги на похороны⁶², или гостиной сотни Степан Кашурин, который после смерти отца «жил за убожеством в чужих людях», оставаясь в гостиной сотне⁶³. К 1713 г. на 87 чел. гостиной сотни, продолжавших платить десятую деньгу, приходилось не плативших её «за скудостью» 31 человек. Каждый из них в отдельности и сотня в целом не оправдывали больше своего звания.

Большую пестроту, с точки зрения размера торгов и промыслов, мы наблюдаем также внутри населения слобод. Значительная часть его занималась мелкой торговлей и ремёслами. Мелкие торговые люди имели обычно микроскопические торговые обороты, торгуя в наёмной лавке или шалаше, а то просто «походя». Например,⁶⁴ садовник Иван Фёдоров торгует в Треушном ряду мелочью, «а в том торгу ходит своих денег 1½ рубли», или другой тяглец той же слободы, по его словам, «кормитца де он на Балчюге на перекрёстке мелочным товаром, а в том товаре денег ходит полтина»; некоторые весь товар берут в долг «до спуска», другие торгуют чужими товарами. От такого промысла бывали и соответствующие барыши. «Только что бывает от торговли сыт», — показывал в своей сказке один из садовников; по словам кадашевца Ивана Степанова, в торговле выжигою своего капитала вложено два рубля, а «прибытку ему в год на прокормление бывает по 5 рублей».

Однако в тех же слободах были крупные торговые люди, обладавшие значительными капиталами и проявлявшие большую предприимчивость в торговом деле. У садовника Михаила Пряслова, специалиста по суровскому товару, в лавке в Суровском ряду товаров на 2629 руб.; в 1701 и 1702 гг. тот же товар он отправлял на Макарьевскую и Свинтскую ярмарки — в первом году на 1700 руб., во втором — на 468 рублей. Эти крупные обороты, по его словам, совершались почти целиком на заёмные деньги.

Факт широкого обращения к кредиту является сам по себе показательным для той ступени, на которой находилась торговля на грани XVII—XVIII веков. Оборотный капитал коммерческих операций садовника Осипа Адамырцева равнялся 10 500 руб., в составе которых «свой деньги» за вычетом долгов, по его показаниям, исчислялись всего в 300 рублей. Он с зятьями торговал в Москве на новом гостином дворе, отпускал товары в разные города и на ярмарки, брал подряды «разных чинов монастырских и у вотчинников ставить государев хлеб», ставил в казну ефимки. Крупнейший из торговых людей Кадашевской слободы Андрей Турчанинов, или Турка, — на него первого в дальнейшем пала участь стать компанейщиком полотняного казённого завода — имел в Москве в разных рядах 25½ лавок, которые он сдавал за 280 руб. в год; при его отце, умершем в 1703 г., в отпусках и лавках котельного ряда было товаров на 12 150 руб. да в долги роздано 2630 рублей. Среди долж-

⁶¹ Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого. СПб. 1888. Т. IV. Ч. 1-я. № 667.

⁶² Там же, Т. V. Ч. 2-я. № 1299. СПб. 1897.

⁶³ Там же, № 1235.

⁶⁴ Материал, откуда взяты нижеследующие примеры, — сказки тягльцов московских слобод о торгах и промыслах, подававшиеся в 1704 г. (характеристика сказок как исторического источника дана в моей статье «Сказки торговых людей Московского государства 1704 г.». «Исторические записки». Т. XVII. 1945).

ников Турчанинова были такие известные гости, как Василий Груднин и Владимир Воронин. Своих долгов Турчанинов не указал ни одного рубля.

Огромные денежные операции производились отцом и сыном Зубковыми, будущими компанейщиками той же мануфактуры. В 1709 г. вместе с ещё четырьмя лицами они взяли «на мену старых денег» на новые 110 тыс. руб., да 4 тыс. руб. для обмена на 12 пудов ефимков. В Мещанской слободе, несмотря на то, что в 1675 г. 12 чел. были взяты в гостиную сотню, к 1704 г. насчитывалось немало очень крупных торговых людей. Таковы Семён Никитин Грузинец, Иван Артемьев, Фёдор Иванов Юдин, Иван Сорокин, Яков Нестеров, Иван Трапезников, Пётр Христофоров; Иван Холщевников, Семён Данилов и Григорий Соколовский. Григорий Соколовский — крупнейший оптовик по кожевенным товарам. В 1701 г. в Архангельске было продано юбщих с Семёном Даниловым 5 тыс. пудов юфти на 19 904 руб. 3 алт. 2 ден.; в 1702 г. только своего «особого юфотного» товара там же продано на 13 107 руб. 26 алт. 4 деньги. Крупнейшим торговым человеком был тяглец Огородной слободы Иван Стрежнев, который в связи со своими торговыми операциями строил собственные торговые суда, имел большие казённые подряды и поставки (в 1712 г. по этому случаю в разные приказы он был должен 16 425 руб. 28 алт. 3 ден.)⁶⁵, а в 1714 г. в составе виднейшего московского купечества был переведён в Петербург. Крупные торги имели тяглецы и других слобод Москвы.

Результаты распределения по гильдиям, произведённого после Петра I, подтверждают только что сказанное о московском посаде. По окладной книге 1748 г., в 1-й гильдии значилось всего 5 семей из состава бывших гостей (Филатьевы, двое Чирьевых, Исаев и Шустов) и 22 семьи из гостиной сотни, т. е. в общем 27 семей, в то время как одна Кадашевская слобода дала в 1-ю гильдию 26 чел., Садовая — 29 чел., Лужники Крымские — 20 чел. и т. д. В общем в 1-ю гильдию вошли представители от 31 слободы в количестве 327 человек. Интересно, что наибольшее количество (41 чел.) дала Кошельная слобода, выросшая и разбогатевшая уже в XVIII веке⁶⁶.

Итак, в недрах московского посада, внутри его слобод, наряду с нищими и полуничими тяглецами имелся налицо значительный слой крупного купечества. В то же время многие из членов высших категорий по своему действительному состоянию приближались к средним, а то и к «худшим» слободским людям. «Лучшие» из слободжан могли поспорить в своей торговой деятельности с самыми «капитальными» людьми гостиной сотни.

Однако правительство, прекрасно осведомлённое о состоянии московского купечества, не спешило переводить выдающихся слободжан в высшие разряды, хиревшие на его глазах. Правительство словно позволяло, наблюдая со стороны, разрушаться старой организации торгово-промышленного мира Москвы, ничего не предпринимая для укрепления старых перегородок и классификаций, стиравшихся под давлением жизни, живого экономического процесса. Чем было вызвано подобное отношение Петра, — вопрос особый, требующий специального изыскания; сейчас можно высказать лишь несколько общих соображений.

1. При старом делении вся масса «посадских людей разных слобод» смешивалась в одно целое, без подразделения его по профессиональному признаку на торговую и ремесленную части. Это совершенно естественно для любого феодального города, когда обе функции часто совмещались в одном лице (мелкий производитель и продавец своих изделий), а торговый капитал, в частности, в роли скупщика, ещё не выделился в особую категорию. Иное дело в XVIII в., когда произошло такое обособление и обе части населения посада жили разной жизнью, разными интересами

⁶⁵ Доклады и приговоры Сената. Т. II. Ч. 1-я, № 561.

⁶⁶ Материалы для истории московского купечества. Т. I. Приложение 1-е. М. 1884. Числа получены путём подсчёта поимённого перечня по каждой слободе.

и даже противостояли друг другу в борьбе — один за экономическое подчинение себе ремесла, другой — за сохранение самостоятельности.

2. Деление на гостей, гостиную сотню и рядовых тяглецов основывалось не столько на экономическом признаке, сколько на признании особых прав и обязанностей за каждой из этих категорий, закреплявшихся не только пожизненно, но и передававшихся потомству. Это делало всю систему тяжеловесной и косной.

3. Мало того: и до Петра I и при нём параллельно с этим делением продолжало существовать деление на три статьи, основывавшееся только на состоянии торгов и промыслов каждого в данный момент. Это деление, более гибкое и подвижное, больше соответствовало живому, текущему экономическому процессу, который, особенно в те времена, быстро выносил на поверхность одних, уносил других, недавно бывших наверху.

Петровское правительство признавало и то и другое деление, обращаясь то к гостям и гостиную сотне, то к первостатейным и среднестатейным. Но подобное сосуществование двух параллельных рядов должно было вносить неясность и нарушать отчётливость построения данного общества.

4. Наконец, ещё в XVII в. выяснилось, что система, ставившая в особые, привилегированные условия гостей-монополистов, использовалась ими прежде всего в целях собственного обогащения и давления на остальное посадское население.

Во всяком случае, Пётр позволял разрушаться старой организации и не закреплял официально деления по статьям, как предлагал Посошков (вплоть до введения особого костюма для каждой статьи⁶⁷), до тех пор, пока не решил «паки собрать», т. е. привести в порядок, «рассыпанную храмину», какой царю не без основания представлялось московское — шире — русское купечество, с точки зрения его организации.

Новыми формами организации городского населения явились гильдии и цехи. Образцы их были заимствованы в Европе, где данные организации возникли в далёкие времена средневековья. У нас они вводились в 20-х годах XVIII в., когда торговля и промышленность вышли далеко за рамки феодального средневекового города.

Впервые о гильдиях было сказано в регламенте Коммерц-коллегии 1719 г., а затем уже в более развёрнутом виде через 2 года — в регламенте Главного магистрата. При этом говорилось о двух гильдиях, которые должны были охватить всё торгово-промышленное население города. В 1-ю входили банкиры, каковых ещё в России не было, «знатные купцы», доктора, аптекари, шкиперы купеческих кораблей и наиболее квалифицированные специалисты из ремесленников: золотари, серебряники, иконники, живописцы; во 2-ю — мелкие торговцы, а также «ремесленные». Вне гильдии оставались «подлые люди, обретающиеся в наймах и в чёрных работах»⁶⁸.

Однако уже в следующем, 1722 г. последовал указ о создании цехов, куда определялись ремесленники всех специальностей. Казалось бы, гильдии должны были стать, по образцу средневековых, чисто купеческими корпорациями. Но этой ясности в распределении граждан по профессиям недостаёт и в более поздней инструкции магистрату — 1724 года. В ней опять говорилось о двух, а не о трёх гильдиях, причём во 2-ю включались «ремесленные всяких мастерств люди и прочие, сим подобные»⁶⁹. Между тем, это был канун смерти Петра I, и реформа по созданию новой организации городского населения была оформлена и введена в жизнь уже после него.

⁶⁷ Посошков И. Книга о скудости и богатстве, стр. 206—207. М. 1937.

⁶⁸ ПСЗ. Т. V. № 3318.

⁶⁹ Там же. Т. VII, № 4624.